

ПЕРЕСМЕШНИК

Элеонора ДЕНИСОВА

О ГРУСТНОМ - С УЛЫБКОЙ

Мама рассказывала, что в детстве я, просыпаясь, сначала улыбалась, а уже потом открывала глаза. Тогда мне казалось, что каждый новый день сулит новые радости и веселье. За длинную 80-летнюю жизнь, естественно, было и немало дней горьких и трудных, но привычка улыбаться сохранилась до сих пор, даже когда обстоятельства объективно скорее печальные, чем радостные.

Когда начался мой «пенсионно-инвалидный» период, настроение поначалу было грустным, казалось - все позади: активная, напряженная жизнь, интересная работа, поездки к друзьям в Москву и Махачкалу, походы в театры, музеи, море. «Всё миновалось. Молодость прошла...»

Однако вскоре я поняла, что при любых обстоятельствах жизнь сохраняет свою многоцветность. В ней всегда есть место не только подвигам, как нас учили в школе, но и улыбкам, радости.

Например:

Лежу в реанимации в состоянии клинической смерти. Откуда-то сверху вижу свое распростёртое на постели тело, над ним спины двух врачей, старающихся вновь запустить моё сердце. Нет ни боли, ни страха, лишь отрешенно-созерцательные мысли: что лучше - теперешний холодный покой или живая жизнь с её страданиями и просветлениями? Вероятно, я выбираю всё же второй вариант, потому что вижу уже склоненное надо мной лицо врача, усталые внимательные глаза, очки с трещиной на одном из стекол.

- Вы совсем как Коровьев, - улыбаясь говорю ему.

- Да, а тут рядом и Воланд подколдовывает, - подхватывает литературную аналогию он.

- Первый раз встречаю врача, который так хорошо знает «Мастера и Маргариту».

- А я первый раз встречаю больного, который, вернувшись с того света, с улыбкой шутит на литературные темы.

Мы оба улыбаемся, довольные друг другом.

Когда мне становится лучше, заведующий реанимационным отделением, вернувший меня к жизни, переводит меня не в коридор ожидать, когда освободится место в палате, а бесплатно в пустующую одноместную палату-люкс. В ней всё сияет чистотой, есть цветной телевизор, холодильник и главное - туалетно-душевое помещение. Благолепие! Чувствую себя почти счастливой.

Другой случай.

Лежу в больнице после операции - постановки кардиостимулятора. Рядом со мной деревенская бабушка Катя. Собственно, мы ровесницы, но в отличие от меня Катя не делает вид, что она «как будто бы нормальная женщина» (как говорила обо мне одна знакомая девочка), мои шутки и улыбки ей явно кажутся неуместными. Искося глядя на меня, она строго поджимает губы.

В больницу меня в каком-то «промежуточном» состоянии привезла скорая помощь, оформление происходило в мое отсутствие, и я не знала, кто конкретно мой лечащий врач, к кому обращаться с вопросами и просьбами. Операцию мне делали два врача, потом оба заинтересовались моим состоянием и работой кардиостимулятора. Во время обхода я спросила одного из них - палатного врача:

- Скажите, пожалуйста, кому я принадлежу де-юре: Вам или Юрию Николаевичу?

Молодой и весёлый Павел Анатольевич охотно подхватил шуточный тон:

- Право первой ночи - за Юрием Николаевичем, но можете обращаться и ко мне.

И мы оба весело рассмеялись.

Вечером меня пришла навестить подруга.

- Ну как тут наша Элеонора Ильинична? - спросила она у соседки.

- Молодому врачу с утра навяливалась, - тоном ябедницы донесла Катя.

Это нас очень развеселило. С тех пор почти вышедший из употребления глагол «навяливаться» прочно вошел в мой словарный обиход. И каждый раз, произнося это слово, я с улыбкой вспоминаю милую Катю и много других забавных эпизодов моего довольно долгого пребывания в больнице.

И еще один эпизод моей «жизни на инвалидности»:

Во время очередного сердечного приступа подруга, не слушая моих возражений, вызвала скорую помощь. Приехавший на вызов молодой врач радостно заявил:

- Я Вас помню. Я подобрал Вас на улице. Вы лежали на углу 12 Сентября и Пушкинской и отказывались ехать в реанимацию, потому что были «не так одеты».

Я представила картину нашей первой встречи: лежу на асфальте, раскинув руки, рядом валяется шляпа с большими полями, вокруг тела развевается нарядный палантин. Я нарядилась на выход «в свет», довольно редкий для меня, и мне было жаль, что мои лучшие одежды и любимая шляпа от солнца будут в скомканном виде засунуты в мешок и испорчены. (Почему в этот момент я думала о нарядах, а не о воз-

можной смерти, может быть, по врожденному легкомыслию?) У меня не было сил объяснять всё это врачу, и я слабым голосом, чуть приоткрыв глаза, произнесла:

- Не поеду в реанимацию: я не так одета.

- Но в реанимации люди лежат вообще раздетыми!

Представив, как нелепо выглядела моя фраза в той ситуации, я рассмеялась. Врач, ожидавший скорее жалоб, чем смеха, удивился, но, вероятно, я показалась ему просто забавной, а не сумасшедшей, и он великодушно вколол мне легкий наркотик вместо обычного анальгина, а я сладко заснула.

А вот эпизод более ранний, с больницей не связанный, но тоже, так сказать, амбивалентный.

Убираю могилу мужа. Мимо проходит пожилой подвыпивший мужчина и спрашивает:

- Как к Вам правильно обратиться: девушка или женщина?

- Если правильно, то - бабушка.

- Мне бы такую бабушку! Я бы за твоей могилкой день и ночь ухаживал.

Особенные чувства остались у меня от встреч Нового года в областной больнице.

В первый раз 31 декабря с утра меня перевели из реанимации в палату, и это уже было счастьем. А вечером приехал сын с магнитофоном, с маленькой нарядной елочкой, и с другом, который пел под гитару любимые бардовские песни, а все оставшиеся в больнице набились в палату. Мы ели мандарины, слушали песни «вживую» и по магнитофону. И у всех было тепло и празднично на душе.

Элеонора Денисова и Елена Ушакова.

И второй раз я осталась в больнице на все рождественские каникулы. Вокруг было как-то пусто и тихо. И, честно говоря, грустно. Один из дней выдался ясным, солнечным. И пришла Елена Ушакова с гитарой. Целый час она пела мои любимые песни и романсы. И опять все, кто был в это время в зоне слышимости - пришли на ее голос. Многие стояли в коридоре, не умещаясь в палате. И это был праздник, и верилось, что счастье улыбнется нам хотя бы мимолетной улыбкой.